

УДК 821.161.1.09

**ЮБИЛЕИ ПУШКИНСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ.
НАЧАЛО, ГОД 1813**

Ю. М. Никишов

Тверской государственной университет
кафедра истории русской литературы

1813-м годом датировал Пушкин начало своей литературной деятельности. До нас дошли три произведения, относимые к этому году. Им выпала честь открыть череду двухсотлетних юбилеев пушкинских творений.

Ключевые слова: послание, ирои-комическая поэма, эпиграмма, образ автора.

Давно ли, казалось бы, мы отмечаем 200-летие со дня рождения Пушкина. Нынешний год в творческом отношении имеет более существенное значение: 200 лет назад Пушкин родился как поэт. Произошло событие, из-за которого мы помним и будем помнить Пушкина-человека.

Дата рождения Пушкина-поэта не отмечается, да и как ее поточнее определить? Первые пробы пера не сохранились. По воспоминаниям сестры Ольги, Пушкин уже в девятилетнем возрасте писал эпиграммы (на французском языке) на своих учителей, сочинил (передельвая Мольера) комедию, а еще ирои-комическую поэму. Сам Пушкин отметил, что начал писать с 13-ти лет (которые исполнились ему 26 мая 1812 года). Известна история, как профессор Кошанский предложил лицеистам «поточить перья» и написать стихи о розе. Для многих задание оказалось трудным, а Пушкин легко, почти экспромтом набросал несколько строф, восхитивших Кошанского, который и унес стихи с собой. Это – вряд ли единственная потеря. Можно предполагать, что были отклики на события Отечественной войны, которые лицеисты бурно переживали. Но – что говорить о том, что до нас не дошло...

Собрания сочинений Пушкина открываются тремя разножанровыми произведениями, датированными 1813 годом, первыми из сохранившихся. Это послание «К Наталье», незавершенная поэма (точнее – ирои-комическая поэма) «Монах», эпиграмма «Несчастье Клита». Этим произведениям выпадает честь первыми отметить свои двухсотлетние юбилеи и тем открыть длинную череду аналогичных юбилеев пушкинских творений.

К Пушкину неприменима поговорка про «первый блин комом». Впрочем, «первые блины» нам неизвестны; то, что имеем, заслуживает иной аналогии. Пушкин умел этапы жизни, этапы возраста детализировать. В письме Дельвигу 23 марта 1821 года встречаем такое интересное обозначение: «под старость нашей молодости» [3, т. X, с. 23]. Так что и первые дошедшие до нас пушкинские творения – это не совсем дебют, скорее произведения быстро достигнутой зрелости ученического периода. С поправкой на это

соображение все равно признаём: Пушкин начинает мастерски! Именно как дебют поэта (по факту наличия) эти произведения особенно интересны.

Прежде всего хочу отметить парадокс. Наталья, адресат послания, носит имя условное. Оно и впоследствии не раз возникнет в пушкинских произведениях вплоть до того, что окажется первым (замененным) вариантом имени героини романа в стихах. Случайно, конечно, но имя своей окончательной избранницы Пушкин угадал (или напороочил?). Я говорю об этом в шутку (озорной характер стихотворения это допускает), но можно удивляться, как много совсем юным поэтом в шутку и озорство вложено серьезного и профессионально значительного.

Композиция. Неожиданная концовка послания основательно готовится, нагнетая странности. Любовное признание отнюдь не форсируется, напротив – отодвигается воспоминанием о беззаботном времени, когда автор не знал бремена (!) любви (будь такое начало не литературным, а реальным, оно могло бы избранницу обидеть). Но – «наконец и сам попался», так что признаний не избежать. Совершается и второй круг. В послании делается признание первое, письменное (то есть заочное): оно неизбежно предполагает объявление лица пишущего, но происходит это лишь в самом конце. Вначале поэт прибегает к приему «доказательства от противного» или отрицательного утверждения: я не тот... и не тот. Фактически предлагается путь угадывания. Он мог быть каким угодно долгим, потому что шансов угадать очень мало. Поэт создает перечень в меру длинный, понимая, что терпением красавицы не нужно злоупотреблять. Под конец следует прямой ответ, который отменяет само признание, выявляя его озорной характер: «Знай, Наталья! – я... монах!» [3, т. I, с. 11]. Признание не соответствует образу жизни влюбленного, и девушке такой поклонник – не подарок.

Между тем содержательность этой поэтической шутки на весьма высоком уровне. Есть известное пушкинское определение: «Климат, образ правления, вера дают каждому народу особенную физиономию, которая более или менее отражается в зеркале поэзии. Есть образ мыслей и чувствований, есть тьма обычаев, поверий и привычек, принадлежащих исключительно какому-нибудь народу» [3, т. VII, с. 28–29]. М. В. Строганов собрал обширный материал с целью показать, «каковы в пушкинском понимании эти “особенные физиономии”» [5, с. 14] у целого ряда народов. Исследователь оперирует разнообразными источниками, но показательно, что раннее лицейское «К Наталье» без каких-либо оговорок встает в один ряд со зрелыми произведениями поэта.

Национальные пометы здесь вполне выразительны:

Не владелец я Сераля,
Не арап, не турок я.
За учтвого китайца,
Грубого американца
Почитать меня нельзя,
Не представь и немчурою,
С колпаком на волосах,
С кружкой, пивом налитою,
И с сигаркою в зубах [3, т. I, с. 11].

Послание «К Наталье» проложило устойчивый путь к особенностям изображения образа автора. Реальный автор еще очень юн, он по лицейскому регламенту ведет замкнутый, «казарменный» образ жизни: личный опыт еще крайне незначителен. Личный опыт заменяется книжным: этот мальчик с детства приучен беседовать с «оракулами веков». Естественно, что в стихах юный поэт предпочитает свое лицо прикрыть маской, в выборе которых Пушкин весьма изобретателен – в послании он предстает под маской монаха.

Поэтические маски были в ходу в поэзии того времени. Индивидуальность Пушкина проявилась в том, что он не тяготеет к одной избранной маске, но необыкновенно подвижен, пробует множество тонов. Уже в полную меру проявляется то качество личности поэта, которое будет названо протезизмом.

Многоголосие лицейской музыки Пушкина – знак, что поэтические упражнения составили счастье юного певца. Замкнутый (особенно вначале), келейный (тут не очень много и нафантазировано) быт рушился, поэт обрел (и этому возрадовался), а потом в себе лелеял внутреннюю свободу. Может быть, на этом опыте несколько позже рождается А. А. Блока восхитившая пушкинская формула «тайной свободы».

Нарочито условный характер многих стихов лицейского периода может приводить к недооценке биографического начала в лицейской лирике. К примеру, Н. Л. Степанов пишет: «...поэт еще не решался прямо выступать от своего имени, непосредственно передавать жар своих мыслей и чувств, а прибегая к условному облику лирического героя (хотя и наделенному некоторыми чертами авторской личности), пользовался еще традиционно-литературными формами» [4, с. 233]. «В центре ранних стихов Пушкина не сам автор, а созданный им искусственный, стилизованный образ “лирического героя”, определяющий и самый характер восприятия действительности» [4, с. 234]. «Эти лирические маски легко сменяются, они литературный грим, не больше» [4, с. 249].

Но это ничуть не смыаемый «литературный грим»! Во-первых, самые безудержные фантазии через систему утверждений и отрицаний дают четкое представление об эстетическом идеале, а это никакая не условность, идеал реально принадлежит именно автору, характеризует именно его. Во-вторых, сквозь маску все-таки просвечивают личные, автобиографические черты. Совсем не обязательно, пытаясь понять образ автора, вылавливать именно такие штрихи, но свой колорит повествованию они придают. В послании речь идет о первой влюбленности: она может случиться и раньше, и позже. Тут явно проступает еще совсем юный возраст автора. Однако, только начиная творческий путь, Пушкин владеет очень важной истиной: литература не должна (не может, даже если бы очень старалась) *копировать* жизнь, она – вторая реальность, образное *подобие* (но не копия) жизни. Скромный, ограниченный жизненный опыт совсем юного поэта опирается на колоссальный книжный опыт и удесятеряется поэтическими фантазиями. Мысль опережает опыт.

Послание «К Наталье» кладет начало активному в лицейской лирике мотиву прикрытой эротике. Стихи подхватывают традицию анакреонтики, однако опираются и на совсем близкую литературную базу – традицию

французской легкой поэзии как ветви классицизма, активно утверждавшуюся в русской поэзии К. Н. Батюшковым.

Б. П. Городецкий (опираясь на наблюдения З. Венгеровой) определяет, что традиции французской эротической поэзии заключаются в искусстве «дать все понять, ничего не называя, прикрывая грубость сюжетов поэтичностью образов, юмором положений, игрой полупонамеков» [2, с. 95]. Принцип намекнуть, ничего прямо не называя, привлекателен для Пушкина: ему приятно остановиться в опасной близости к пикантным моментам (в «Монахе»: «И он... но нет, не смею продолжать» [3, т. I, с. 16]. Совсем юный, «неопытный» поэт прозорливо угадывает, что недоговоренность при всей деликатности сильнее действует на воображение, оставляя ему простор для самостоятельного движения.

В послании «К Наталье» выговаривается очень важный для юного поэта принцип: «Все любовники желают // И того, чего не знают...» [3, т. I, с. 10]. Желание и утоляется не опытом, а фантазиями на заданную тему.

Стихотворение основано на парадоксе. Финальное признание («Знай, Наталья! – я...монах!») в сущности отменяет, делает ненужными, неуместными «греховные» любовные излияния, в которых и заключена соль стихотворения. Но парадокс финала дает объяснение тому балансированию на самом краю пропасти, которое на деле оказывается лишь мнимо опасным.

Я слабею всякий час.

Всё к чему-то ум стремится...

А к чему? – никто из нас

Дамам вслух того не скажет... [3, т. I, с. 10].

Оказывается, находится способ сказать и дамам, хоть бы и вслух, не все, но достаточно, чтобы быть понятым, не оскорбляя при этом чувства изящного.

Пикантен самый сюжет поэмы «Монах», где дьявол искушает святого старца Панкратия. Герой поэмы тверд и соблазнам не поддается, но повествование ведет автор, далекий от образа мыслей своего героя, что и вносит остроту в его рассказ. Было бы чрезмерным сказать, что автор солидарен с дьяволом в искушениях Панкратия, но что автор расставляет соблазны перед читателем (при жизни Пушкина поэма не печаталась, но в роли читателей выступало лицейское сообщество, а читатель поминается и в тексте), – это точно.

Огню любви единственна преграда,

Любовника сладчайшая награда

И прелестей единственный покров,

О юбка! речь к тебе я обращаю,

Строки сии тебе я посвящаю,

Одушеви перо мое, любовь! [3, т. I, с. 15].

Пушкин обращается здесь за вдохновением не к музе, а непосредственно к предмету воспевания, к любви, но любовь понимается предельно узко; вскоре Пушкин назовет себя «сладострастия поэт» – это, несомненно, точнее.

Послание написано под маской молодого монаха, монах-старец становится заглавным героем незавершенной поэмы: комизм обоих произведений свидетельствует о вольнодумстве юного поэта.

В поэме Пушкиным найдена манера повествования, которая станет для него исключительно важной: все его эпические произведения – *рассказываемые* произведения, где фигура рассказчика на виду (степень активности варьируется). Рассказчик «Монаха» выступает без маски: это светский молодой человек. Пушкин не увлекается прорисовкой человеческого облика рассказчика, но зато щедр на определение своей творческой позиции. Начиная поэму, он следует путем традиции: в зачине ирои-комической поэмы полагалось попросить помощи у своих предшественников. Пушкин обращает свою просьбу к Вольтеру (автору «Орлеанской девственницы») и... к И. С. Баркову. Но Вольтер (без мотивировки) отказывается одолжить свою лиру. Барков охотно уступает свою «скрыпицу», только юному поэту она не нужна. Приходится пускаться в путь на свой страх и риск.

Если зачин – дань традиции, то не было никакой обязательности в «лирическом отступлении», открывающем песнь третью (ставшую и последней). Пушкин начинает горьким сетованием: «Ах, отчего мне дивная природа // Корреджио искусства не дала?» [3, т. I, с. 19]. Представлена россыпь имен знаменитых художников, фантазия рисует живописные картины, которые начертала бы рука, владеет она кистью. На дар художника поэт охотно бы поменял дар стихотворца. И вот что для Пушкина очень характерно: желаниям и фантазиям пределы не поставлены, однако в выводах и решениях Пушкин трезв и прочно стоит на почве реальности: «Но Рубенсом на свет я не родился, // Не рисовать, я рифмы плесть пустился» [3, т. I, с. 20].

А ведь Пушкин был очень активным и оригинальнейшим рисовальщиком! Однако вот что пишет об этом первый фундаментальный исследователь пушкинских рисунков А. Эфрос: «Это были, действительно, только “рисунки поэта”, – можно сказать, “только бедные рисунки поэта”, – создания случайные и бескорыстные. Он от них ничего не требовал. Они возникали мимоходом. Они были малыми спутниками его стихов. Они жили в их тени и их соками. Они не тянулись к самостоятельной жизни. Их прелесть – это прелесть пушкинского поэтического “почерка”. Но, создавая их, Пушкин ни с кем из художников не соревновал и мастером в области чужого искусства не прикидывался. Подобного самоограничения не накладывал на себя ни один из наших поэтов. Большинство из них не умело рисовать совсем. Но кто умел или любил, тот становился перебежчиком. Он уже не хотел довольствоваться пушкинской мерой. Он собирался жить двойной присягой: поэтом среди поэтов и художником среди художников. Он принимал двойное подданство. Однако возмездие наступало немедленно. Это были два существа в одном лице, но второе всегда было посредственно и еще чаще ничтожно. <...> Большие поэты становились маленькими художниками, едва только становились художниками» [6, с. 14–15].

В свете этого наблюдения оценим прозорливость совсем юного лицеиста и твердость принятого им так рано решения. Вот какие откровения вбирает в себя шутивная и озорная поэма!

Веселой, какой ей и полагается быть, и глубокой по мысли (что достигается не всегда) предстает «дебютная» пушкинская эпиграмма. Она метит в собрата по перу В. К. Кюхельбекера, человека серьезного, увлекавшегося античной поэзией. Возникает перекоп: «песенки» юный автор

пишет гекзаметром – в убеждении, что «мера простая» (ямбы и хорей) «смысл затмевает стихов и жар охлаждает пиита» [3, т. 1, с. 23]. Эффективное оружие эпиграммы – умение обнаружить изъян в позиции оппонента и обернуть его против него самого. Это действие по пословице: «Не рой противнику яму – сам в нее можешь угодить». Предмет спора – не мелкий, не частный (более того – нескончаемый): обладает ли содержательностью «мера» стиха. Клит (Кюхельбекер) дает ответ положительный: «мера простая» «жар охлаждает пиита». Пушкин иного мнения:

Спорить о том я не смею, пусть он безвинных поносит,
Ямб охладил рифмача, гекзаметры ж он заморозит [3, т. I, с. 23].

Пушкин проявляет внешнюю сдержанность, напрямую «не оспаривает» мнение друга-оппонента, как будто предоставляет событиям возможность идти своим ходом, но причина предопределяет следствие: охлажденный ямбами Клит не воспламенится и гекзаметрами. Вот та яма, которой не миновать выкопавшему ее.

По пушкинскому убеждению, формы обладают содержательностью, но относительной, соответственно эту содержательность нет надобности абсолютизировать, так как повелевает формой художник. К слову, эпиграмма Пушкина в тон оппоненту написана гекзаметром, но «тяжеловесный» гекзаметр ничуть не тяжел в исполнении Пушкина: поэт прибегает к помощи цезуры и четко разделяет длинную строку на два легко читаемых полустишия.

«Наша память хранит с малолетства веселое имя: Пушкин» [1, т. VI, с. 160], – удостоверил Александр Блок. Весело начал Пушкин свое поэтическое служение.

Список литературы

1. Блок, А. А. Собрание сочинений [Текст] : в 8 т. / А. А. Блок. – М., Л. : Гос. изд-во художественной литературы, 1962. – Т. 6 : Статьи, речи, рецензии о театре. Отзывы о писателях (1918–1921 гг.). – 556 с.
2. Городецкий, Б. П. Лирика Пушкина [Текст] / Б. П. Городецкий. – М., Л. : Изд-во «Просвещение», 1962. – 466 стр.
3. Пушкин, А. С. Полное собрание сочинений [Текст] : в 10 т. / А. С. Пушкин. – Л. : Наука, 1977–1979.
4. Степанов, Н. Л. Лицейская лирика [Текст] // Лирика Пушкина: Очерки и этюды / Н. Л. Степанов. – М. : Художественная литература, 1974. – С. 233–265.
5. Строганов, М. В. Национальные характеры народов Европы и Азии в творческом сознании Пушкина [Текст] / М. В. Строганов // Филология – Philologica. – 1996. – № 9. – С. 14–18.
6. Эфрос, А. Рисунки Пушкина [Текст] / А. Эфрос. – М. : Academia, 1933. – 472 с.

PUSHKIN'S WORKS' ANNIVERSARIES. THE BEGINNING. YEAR 1813

U. M. Nikishov

Tver State University

The department of the history of russian literature

Pushkin dated the beginning of his literary career in 1813. We have heard three pieces, referred to this year. They had the honor to open a series of anniversaries Bicentennial Pushkin creations.

Key words: *message, ironi-comic poem, epigram, the image's.*

Об авторах:

НИКИШОВ Юрий Михайлович – доктор филологических наук, профессор кафедры истории русской литературы Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, д. 33), e-mail: juri yunik@tvcom.ru